

Нина Данилова

Первые уроки эмиграции

Принятие решения об эмиграции – обычно довольно длительный процесс в каждой семье. И мы не исключение, созрели почти пять лет. Родная почва постепенно буквально уплывала из-под ног: развалились, как карточные домики, организации, в которых мы с мужем усердно трудились не один десяток лет, подводило здоровье. Впереди маячили нищета и безысходность. Конечно же, мы пытались как-то «крутиться»: создавали «малые предприятия», занимались торговлей чужими товарами, польскими продуктами питания. Но вся эта пустая суета не могла называться жизнью. Так случилось, что мне пришлось за два года перенести три сложнейших операции. В этом была вина врачей, вследствие чего мне удалили почку и в качестве компенсации дали вторую группу инвалидности. Для каждой операции я должна была покупать буквально всё, кроме разве что хирургических инструментов: шприцы, капельницы, бинты, перчатки, нитки для наложения швов, все лекарства. Помню, что за день до операции мы стояли на «толчке» в ряду, в котором реализаторами были, в основном, кандидаты наук, и должны были заработать 25 долларов, чтобы уплатить анестезиологу. По принятым правилам оперирующему врачу полагалось платить позже (заранее – плохая примета), а вот анестезиологу – до операции, если, конечно, заинтересован в том, чтобы выйти из наркоза.

Хорошо помню тот момент, когда я окончательно решила уехать. По местной программе ТВ выступал известный в Одессе искусствовед Борис Владимирский, который перед отъездом на ПМЖ в США рассказывал притчу: «Все спасаются от наводнения, и только один еврей читает Тору и утверждает: того, кто

читает Тору, спасет Б-г. Вода подступает к последним этажам, он сидит на крыше и читает, покачиваясь. Плышет катер, ему кричат, зовут, но он только повторяет: «Еврея, который читает Тору, спасет Б-г». Вода уже затопила крыши, он сидит на трубе и читает Тору. Летит вертолет, с которого ему спускают лестницу. Он отказывается и, оставшись один, тонет. На том свете он обращается к Б-гу за разъяснениями и слышит в ответ: «Я посылая тебе катер, затем вертолет со спущенной лестницей. Нужно же отличать промысел Божий от случайных совпадений!». И вот тогда я поняла, что нам посылают пароход...

Мы отправились в Израиль на пароходе «Дмитрий Шостакович» в декабре 1997 года. Нужно сказать, что Одесса провожала нас довольно сурово – казалось, что она мстит нам предательством за предательство. Наши близкие многолетние знакомые, которым мы продали квартиру, скрылись за несколько дней до отплытия нашего парохода, не уплатив вторую половину денег. На первую половину мы все дружно, как полагалось перед отъездом, протезировали зубы у разных одесских стоматологов. И хотя все зубные врачи были, что называется, отрекомендованы самым лучшим образом и оплачены по высоким расценкам, моему мужу испортили его довольно неплохие зубы и обеспечили зубопротезные проблемы на очень длительный период. Когда за несколько дней до отплытия его новые «мосты» стали выпадать частично, а то и полностью, доктор, который имел привычку совмещать плохо контролируемый процесс опиливания зубов с бурным флиртом с медперсоналом, утешил его чем смог. Он вернул уплаченные ему за «блестящую» работу полторы тысячи долларов со словами:

– У меня таки бывают неудачи. Вы одна из них. Но не расстраивайтесь так. Я своей родной маме сделал еще хуже! Так что ж, убить меня теперь?

Конечно же, убивать его никто не стал, тем более что возвращенные им деньги в связи с бегством наших должников оказались практически той суммой, с которой мы отправились в новую жизнь. У дочери произошла та же история с зубными коронками, только уже в Израиле, и за неудачное протезирование нужно было продолжать платить по очень высоким расценкам.

Справедливости ради нужно сказать, что нам с братом все же повезло в этой зубопротезной лотерее! Кроме всего, возникла проблема с рыжим котом дочери, который был вписан в билет на пароход, но активно сопротивлялся даже ветеринарным прививкам и в конце концов сбежал вовсе. А без него она категорически отказывалась уезжать! Буквально в последние часы его, к счастью, удалось найти и передать на попечение соседке-кошатнице. Я очень переживала, что таможня не пропустит многочисленные лекарства, казавшиеся тогда жизненно необходимыми. Договорилась со знакомой, сын которой работал в портовой таможене инструктором по тренировке собак в поисках наркотиков. И когда мы вошли в каюту, в ней уже стоял пакет с лекарствами и травами – вот какой сервис всего-то за 20 долларов! Итак, глотая слезы, мы стояли на палубе и вглядывались в лица друзей, пришедших нас проводить. В нашем случае «предназначенное расставанье» не гарантировало встреч в будущем...

Пароход «Дмитрий Шостакович» был паромом, который доставил нас в другую жизнь. Настало незабываемое время четырехдневного отдыха и расслабления после напряженного периода сборов и прощания с любимой Одессой. Несколько морей, одно за другим, старались ласково убаюкать наши страхи, горечи и печали, уgomонить возбужденные души. Конечно же, мы уже многое знали о той стране, которой решились вручить свою дальнейшую судьбу. Но эти знания были очень противоречивыми. К этому времени множество друзей и знакомых жили в Израиле или побывали там в гостях. Их рассказы и вдохновляли, и смешили, и ужасали! Мы поняли, что только собственный опыт позволит попытаться дойти до истины. На пароходе была группа христиан-добровольцев, которые помогали воплотить библейское пророчество о сборе всех евреев на Земле обетованной. Это были просветленные люди разного возраста и цвета кожи, регулярно съезжающиеся со всех концов света для выполнения своей важнейшей миссии. С некоторыми из них мы познакомились при отправке багажа. В назначенное время позвонили в дверь, вошел негр и, приветливо улыбнувшись, сказал: «Шалом». Багаж был упакован в многочисленных ящиках и коробках – на пароходе можно было отправить все необходимое, включая

книги. Не успели мы ответить на приветствие, как ящики замелькали в руках добровольцев, выстроенных по цепочке. Не прошло и десяти минут, как багаж был погружен в автобус. Так христиане-добровольцы работали по несколько месяцев в году с любовью и радостью. По вечерам они красиво пели и вдохновенно водили хороводы на палубе. В кают-компании были танцы, несмотря на приличную качку. Самый популярный анекдот на пароходе звучал так: «Известный журналист-международник берет интервью у президента США и видит среди множества телефонов один, от которого идет сияние. Президент утверждает, что по этому телефону можно связаться с Б-гом. Когда журналист изъявляет желание пообщаться с Создателем, ему объясняют, что пять минут разговора стоят 25 тысяч долларов! Когда через некоторое время он попадает в аналогичную ситуацию в Израиле, то уже даже не спрашивает, что это за сияющий телефон. На предложение президента поговорить со Всевышним журналист, скромно потупив взор, отвечает, что не располагает такими средствами. На что получает ответ:

– Что вы, это же местная линия!»

Все это казалось символичным для нашей дальнейшей судьбы и вселяло светлые надежды. Мой впечатлительный муж написал свое первое в жизни стихотворение в журнале благодарственных записей ресторана:

Когда навьюченным верблюдом
Еврей взошел на пароход,
Был настоящим божьим чудом
Ваш ресторан и ваш уход.
Еда вкусна, посуда блещет,
Евреи дружно рукоплещут.

Организация приема новых репатриантов в морском порту в Хайфе была на высоте. Нас сфотографировали, сразу же выдали паспорта и деньги, сухой паек на дорожку и отправили на такси по указанным адресам. Дальнейшие шаги по освоению новой жизни мы осуществляли с помощью племянницы мужа Раи, живущей в приморском городке Бат-Яме. Она сняла нам отличную

квартиру в своем подъезде, водила по всем учреждениям, а также в банк и в больничную кассу. Мы все время ловили себя на впечатлениях возврата в тот далекий период развитого социализма, который уже успели изрядно подзабыть за последние пять лет непрерывных попыток выживания в Одессе.

В декабре Израиль встретил нас ласковым солнцем, цветущими деревьями и кустарниками, к которым были подведены трубочки с постоянно поступающим орошением, бесконечными и разнообразными пальмами. Трудно было представить, что совсем недавно здесь была песчаная пустыня, которая открывается сразу же за окраинами любого города. Что касается архитектуры, то необходимо простить ее частичное убожество, понимая, что вариант заселения пустыни и одновременного построения еврейского государства не оставлял других возможностей. Нарядная городская набережная и прекрасные пляжи примиряли с разлукой с любимой Одессой. Средиземное море тихо искрилось и манило. Бат-ямские «моржи» проводили зимние заплывы в 17-градусной воде. Учитывая, что с мая по ноябрь температура морской воды держится на уровне 30 градусов, стало ясно, что «моржевание» в Израиле носит щадящий характер.

С первой же недели мы начали изучать иврит в ульпане. Процесс обучения был очень веселым, но малоэффективным. В основном, преподавали иврит на чистом иврите. Ученики были немолоды, плохо сосредотачивались, слабо запоминали. Помню, как глубоко беременная учительница залезала под стол, потом ложилась огромным животом на стол, чтобы ознакомить умирающий со смеху класс с предложениями «под» и «на». Нам повезло – она отправилась рожать, а нас стала учить болгарка, которая могла объяснять по-русски особенности логического построения иврита. Это было дополнительным подарком судьбы – мы поняли, что все не так безнадежно. Очень помогал освоению языка перевод анекдотов, в нашем классе было много любителей этого жанра. Через полгода учебы мы успешно сдали выпускной экзамен, усвоив, что главное – это научиться улавливать в словах корень из трех букв – остальное приложится! Но все же, когда созрела необходимость пойти к ивритоязычному врачу, я смогла описать свои проблемы, и это была колоссальная победа. По про-

шествии лет ситуация изменилась – практически всегда можно найти русскоязычных специалистов, и даже тот уровень знаний языка, которого удалось достичь тогда, стирается из памяти за ненадобностью. Многие торговцы овладели необходимым запасом русских слов и буквально не оставляют нам шансов даже на минимальный тренинг. Многочисленные телевизионные программы на русском языке также не способствуют прорастанию корней иврита внутрь. Впрочем, молодые репатрианты, работающие в ивритоговорящей среде, осваиваются быстро и успешно. Наш предпенсионный контингент мог рассчитывать только на определенные виды деятельности по уходу за детьми, пожилыми людьми, уборке и т. д.

Постепенно разнообразные впечатления от новой жизни приобретали более устойчивые очертания. В супермаркетах поражали размеры металлических тележек и объем продуктов, которые закупались израильтянами. Вначале у меня складывалось впечатление, что постоянно пополняется запас на случай военной осады. Но потом выяснилось, что это обычный трехдневный семейный паек. Очень трудно было привыкнуть к громкоголосию аборигенов, особенно детей и подростков, гуляющих и орущих под окнами до рассвета. Нам объяснили, что у них особое строение горла, так как их предки жили в пустынях на значительных расстояниях и должны были перекрикиваться между собой. Но казалось, что их особенности не ограничиваются голосовыми связками, так как трудно было им объяснить, почему нужно сначала выпустить спустившихся людей из лифта, а лишь потом заходить в него, почему нельзя ставить ноги в обуви на сиденье в автобусе (не помогали даже соответствующие картинки на стене), почему нужно уступить место пожилому человеку и еще многое. Впрочем, утешало то, что, встретив группу подростков на улице, ты рискуешь только временной глухотой и последующей головной болью от их способа громкого общения между собой. В Одессе в последние годы в такой ситуации риск был гораздо серьезнее, независимо от времени суток. Многие казалось странным: и сидение в белых штанах на земле на автобусных остановках, и лежание классов школьников на полу в музеях

в процессе освоения исторических сведений, и очень распространенные фасоны джинсов с открытым анусом.

Через несколько месяцев внедрения в среду обитания стала понятна главная специфика населения этой страны: евреи, приехавшие сюда из разных стран, продолжают жить здесь практически так же, как жили до репатриации! Бухара остается самой собой, грузинские и армянские кланы группируются и бизнесуют своими колониями, сибирские морозоустойчивые советские евреи организуют свои землячества и предпочитают роскошной местной средиземноморской кухне заветные замороженные пельмени. Наши чернокожие эфиопские братья бродят толпами в белых одеждах и совершенно не ассимилируются среди других семитских колен.

Что особенно поражало в первое время – это всеобщая дичайшая необязательность и приблизительность на всех уровнях. Приход на договоренную встречу в назначенное время – событие нереальное! Обычно встречи можно добиться после нескольких эпизодов бесполезного ожидания. Если проявить упорство и усердно напоминать по мобильному телефону, то часовое ожидание считается вполне в рамках местных приличий. Израильтяне, которые живут здесь несколько десятилетий (так называемые ватики), почти всегда предъявляют новым репатриантам претензии по поводу длительности принятия решения о репатриации. И типичный ответ типа «Лучше позже...» обычно никого не устраивает. Это люди, когда-то испытавшие все трудности эмиграции, знающие иврит, имеющие постоянную работу, собственное жилье, объездившие весь мир. И странно то, что мы действительно ощущали какую-то свою вину перед ними за преступную медлительность. Они учили нас, что главное слово здесь – *савланут*, что означает *терпение*, но вот как раз им-то его очень не доставало! Особенно это касается эмоциональных и темпераментных марокканцев, общение с которыми обычно доставляло мало радости.

Вспоминается эпизод в огромном супермаркете, который оставил неизгладимое впечатление. Народу было очень много, у касс скопились длинные хвосты тележек с продуктами. Мы с Раей трудом нашли одну кассу, где людей было поменьше, но одна огромная марокканка выкладывала горы товаров сразу с двух тележек.

Что поделаешь, пришлось запастись большой дозой *савланута* и дожидаться того счастливого момента, когда ей наконец-то выдали чек на оплату. Покупательница достала из кармана необъятных джинсов какие-то мятые бумажки, небрежно черканула и протянула кассирше. Взглянув на то, что когда-то было чековой книжкой, бедняга чуть не лишилась чувств, так как разобрать содержимое единственного оставшегося листка было трудно. Марокканка темпераментно объяснила ей, что остаток чековой книжки попал в стиральную машину. На кассе работала довольно пожилая женщина – репатриантка из СНГ. Она вынуждена была сдерживать свои эмоции, но перспектива аннулирования оплаты такого огромного количества товаров явно привела ее в шоковое состояние. К тому же бесцеремонная покупательница не вынимала изо рта сигарету, дым от которой попадал в лицо кассирше. Рая переводила мне содержание их эмоциональных переговоров. Пришлось вызывать старшего кассира, который потребовал предъявить документ, удостоверяющий личность владелицы неразборчивого чека. Она, хладнокровно затягиваясь сигаретой, вытащила из того же кармана нечто, отдаленно напоминающее израильский паспорт, и протянула своим мучителям. Взглянув на предложенный вариант документа, они дружно завопили в два голоса, на что покупательница приоткрыла возможности своей богатейшей голосовой палитры. Темп их перепалки позволял Рае переводить лишь краткую суть конфликта – примерно десятую часть. Марокканка никак не могла понять, как можно быть настолько тупыми, чтобы удивляться такому простому факту, как попадание паспорта и чековой книжки, лежавших в кармане тех самых пресловутых джинсов, в стиральную машину. Она требовала немедленно призвать в супермаркет комиссию из кнессета и уволить всех негодных работников, не разбирающихся в настоящих документах и желающих оставить голодными ее многочисленных детей! Громкость и темп подачи уже непереводимых доводов нарастали. Старший кассир принес огромную лупу, в которую они дружно пялились слезящимися от непрерывного сигаретного дыма глазами. И трогательная материнская забота о своих умирающих от голода детях одержала верх – невнятный чек был принят! Победительница с торжествующим видом толкала

две полные тележки к выходу. Наша «бывшая интеллигенция» с ужасом наблюдала подобные сцены, но через некоторое время становилось ясно, что здесь очень уважают людей, умеющих стоять на своем до конца.

Второй раз я убедилась в этом буквально через несколько дней. Наш ульпан организовал долгожданную поездку учащихся в Иерусалим. В автобусе оставалось только одно место для экскурсовода, который должен был присоединиться к нам по дороге. Когда шофер-араб выезжал с городской площади, вдруг послышался громкий крик. Пожилая женщина отчаянно тарабанила в дверь автобуса и вопила на иврите. Шофер остановил автобус и открыл дверь. Женщина с трудом поднялась по ступеням и села на переднее место экскурсовода. Она громко поблагодарила Господа и приготовилась ехать. Дальнейшее было просто невообразимо. Никакие разъяснения шофера о нашей экскурсии, ни просьбы выйти, ни угрозы рава, пришедшего к нам на помощь из рабанута, не возымели ни малейшего действия. Она утверждала, что на этом самом месте в это время всегда останавливается рейсовый автобус, который везет ее к дому. (Кстати сказать, никаких отметок об остановке какого-либо маршрута поблизости не наблюдалось!) И на этом основании она отказывалась сдвинуться с места, пока ее не отвезут домой. Шоферу осталось только выполнить ее требование, так как время уже поджимало. Когда женщина медленно выходила из плененного ею автобуса, мы все – новые репатрианты, не сговариваясь, проводили ее аплодисментами. В нас начинало проклевываться понимание специфики принципов сионизма. И к тому же, нас ждала первая незабываемая встреча со Святым Городом, в котором живет множество жестокосердых, упрямых и непоколебимых людей.

Но постепенно мы научились принимать этих людей такими, какими их создал Господь. Особенно после того, как мне представился случай оценить их искренность и доброжелательность. Из-за серьезного гипертонического криза я попала в больницу. Врачи не могли в течение недели понизить давление и решили, что состояние угрожающее. Палата была двухместная, соседкой оказалась пожилая арабка – прародительница огромного семейного клана. Все они непрерывно навещали ее, причем приходили

возрастными группами по 7-10 человек. Разговоры не замолкали ни днем, ни ночью. Приносили множество самых разнообразных бесполезных подарков и забрасывали ими почему-то мою постель, на которой очень любили посидеть полулежа. Но вскоре меня перевели в отдельную палату и начали готовить к серьезным испытаниям. Необходимо было сделать так называемый «центур» – проверку сердечных сосудов изнутри. Я была предупреждена о том, что это исследование, кстати, напоминающее прочистку сантехническим шлангом сосудистых трубок, может закончиться операцией на сердце. Но все волнения оказались напрасными. Центур показал, что серьезных причин для опасений за жизнь нет. Я сама видела на большом экране свое сердце и множество сосудистых рек и ручейков. Мне назначили капельницы, снимающие спазмы, антистрессовое лечение и вернули в отделение. И вот там меня встретили с такой неподдельной радостью, как родного и близкого человека! Буквально весь медперсонал сердечно приветствовал мое возвращение, а санитарки-марокканки целовали меня и танцевали вокруг кровати. А ведь они никогда не получали от меня ничего, кроме доброго слова! В моей памяти еще были очень свежи недавние эпизоды «лечения» в одесских больницах, где ненасытность и равнодушие персонала иногда лишали последних надежд и веры в человечность. И когда после выписки я принесла в отделение больницы «Вольфсон» пирожные и конфеты, все были искренне удивлены и обрадованы.

Об израильской медицине можно рассказывать очень многое, и, конечно же, при всех ее неоспоримых достоинствах, имеются и отрицательные стороны. По прошествии лет многие наши знакомые научились совмещать лучшие качества здешней системы лечения и операций с виртуозными способами профилактики болезней, которые спасают неимущих пенсионеров, живущих на нашей исторической родине. Как справедливо отмечает украинская поговорка: «Ласкаве теля двох маток сосе». Многие члены так называемой «Одесской фракции», отправляясь в Одессу, везут израильские лекарства для родных и друзей. Во время пребывания в родном городе охотно посещают своих любимых врачей в поликлиниках, лечатся в одесских санаториях и везут в Израиль валидол, корвалол, но-шпу и т. д. И при этом большинство

евреев продолжает стонать и жаловаться – такая уж специфика нашего народа! Многие, официально числясь в самых необеспеченных слоях населения Израиля, объездили все страны, и не по одному разу – и слава Б-гу, работают, почти круглый год плавают в море, ходят на концерты, спектакли, в клубы. В этой маленькой стране, которую в шутку называют «библейский заповедник», не хватает человеческой жизни, чтобы посетить все удивительные прекрасные места. Особенно активно путешествуют пенсионеры, и не только на традиционные Мертвое и Красное моря, но и в пустыни, и в пещеры, на водопады, по лесам и горам. Когда я вижу многочисленные симпатичные пожилые парочки, прогуливающиеся по набережной, часто вспоминаю своих родителей. Они прожили так мало и почти ничего хорошего не видели. И слезы наворачиваются от обиды за них.

Первые уроки эмиграции, полученные нами, были усвоены по мере возможности каждого. Постепенно шло привыкание к новой жизни, хотя душевная тоска и вдруг возникающее непреодолимое желание немедленного возвращения *домой* долго еще не покидали многих из нас. Нам предстояло усвоение множества последующих уроков и попыток осмысления неразрешимых ближневосточных проблем. Через два года свершилось то, о чем в прежней жизни и мечтать не доводилось, – «увидеть Париж и не умереть»! Помню, что парижские улицы мне действительно напомнили одесский центр города, и слезы капали на чугунные решетки, окружающие такие родные платаны. В Одессу мне довелось приехать только через девять лет. Это было замечательное свидание со старой не забытой любовью – друзьями, соучениками, улицами, бульварами, памятниками, Черным морем. Но из Одессы я с радостью возвращалась домой, в Израиль.

Бат-Ям

